

Марш Мендельсона в семьдесят пять

➤ Есть вопрос, на который счастливые семьи отвечают одинаково

Ираида Петровна и Владимир Григорьевич ЗМАНОВСКИЕ

ЗМАНОВСКИЕ познакомилась в шестидесятом. Старинную традицию сватовства отвергать не стали.

Отец Владимира Григорьевича в войну пропал без вести под Ленинградом, поэтому в село к Ираиде Петровне на сватовство приехала только мама. Зато свадьбу праздновали и в деревне, и в Магнитогорске, куда гости отправились на грузовике вместе с невестиним приданым.

Ираида Петровна трудилась в детском саду воспитателем. Всю жизнь не хватало времени: работа женская, воспитатели часто выбывали из строя, сидя дома с больными детьми. Отработав смену – и идешь в чужую группу заменять. Владимир Григорьевич начал работать еще в юности, чтобы помогать матери тянуть трех младших братьев. В его трудовой за четверть века только две записи – о приеме и увольнении

из цеха водоснабжения комбината. Как во всех семьях, было много трудных периодов: сына призвали на службу в пору взрыва в Чернобыле, а солдат нередко отправляли на ликвидацию последствий. Но – обошлось. А вот два инфаркта не обошли глав семьи стороной. И возраст-то был еще не для болезни, но пришлось смириться – уйти на инвалидность. Однако супруги сдаваться не собирались: Ираида Петровна перерыла медицинскую литературу, освоила народные методики лечения и до сих пор поддерживает сердце мужа настойкой лимона, чеснока и меда из народной медицины.

– Хорошо, что он всегда прислушивался к рекомендациям, – размышляет Ираида Петровна.

Да и как не прислушиваться? На нем семья. И чего только за годы в этой семье не было. Но всегда мерилком событий было ее душевное благополучие.

– Помните, в девяностые то старые

деньги на новые меняли, то крупные купюры отменяли, то ждали подорожания валюты. Все в обменниках стоят, а у нас менять нечего, – вспоминает Ираида Змановская. – Не столько в те годы потеряли. Деньги обесценились, займы превратились в никчемные бумажки. Ну так не мы для них, а они для нас. Пережили.

Золотую свадьбу отгуляли весело – родни назвали человек двадцать. Дочь Светлана приехала из Екатеринбурга, вместе с сыном и братом Димой заново провела торжественную регистрацию брака. Жаль, места для танцев в дуэшке маловато, но и «Марш Мендельсона» был, и «Бабушку рядышком с дедушкой» в домашнем спектакле обыграли.

– Перед приходом гостей стоим с сестрой на кухне, крошим салаты. Она спрашивает: неужели за пятьдесят лет ни ссоры, ни обиды? – признается Ираида Змановская. – Просто руками развожу: нет. Да с ним невозможно поссориться. Он добряк. Самое большое: рукой махнет – мол, чего спорить. Даже не знаю, произнес ли он за всю жизнь матерное слово. Я, во всяком случае, от него ни разу не слышала.

На днях Владимиру Григорьевичу исполнилось семьдесят пять. Снова собирается родня. Время празднования решили не назначать: как доберется дочь из Екатеринбурга, так и усадутся за стол.

У супругов Точилкиных в ноябре тоже был именинный пирог: главе семьи Виктору Фиоджоевичу исполнилось семьдесят три. Но он и в этом возрасте помнит, чем приглянулась ему когда-то будущая жена Любовь: по-деревенски красивая. Именно так – ведь, по мнению Виктора Фиоджоевича, в городе девчонки симпатичные, но не яркие, а деревенские – яркие и красивые. Вот на такой девчонке он и женился. Всю жизнь – в агроцехе, Любовь Григорьевна – на руанике. Виктор Точилкин участвовал в запуске агрофабрики в шестьдесят третьем. А стаж в горно-обогатительном производстве у него – сорок лет. Работы на его век хватило. И пока работал, считал правилом заканчивать смену так, чтобы за тебя не доделывали и не переделывали.

– Если каждый оставит за собой по лопате руды, то приходишь на смену – получишь пятьдесят таких лопат, – вспоминает ветеран.

А что такое вручную раскапывать заваленный раскаленным агломератом транспортер, он знает не понаслышке. Зато, считает он, чем больше работаешь, тем дружнее семья.

– Ссориться некогда было: дома двое девчонок, а за порогом столько работы – неспор, – вспоминает глава семьи.

– После смены – на мотоцикл, девчонок в люльку и – в сад. Хочешь не хочешь, а будешь жить в дружбе.

До сих пор живет в семье традиция: отгулять день рождения Любови Григорьевны пятого мая, чтобы наготовить и вымыть посуду в городских условиях, и – на весь сезон безвыездно в сад.

Виктор Фиоджоевич хвалит жену: покладастая, к каждому в семье знает подход – а у Точилкиных уже трое внуков, пятеро правнуков, и в декабре ждут еще одного. Внуки тоже свои подходы к бабушке и дедушке знают: считают, что бабуля лучше варит борщ, а дед – вкуснее жарит картошку. Внук еще выезжает, а деда по телефону предупреждает: мол, скоро буду, доставай сковороду. И дед с бабулей любят, когда младшее поколение приходит в гости: с ними весело. На золотую свадьбу Точилкины только детей с семьями пригласили – и то больше пятнадцати человек набралось.

А на вопросы о подарках к торжеству Точилкины отвечают так же, как и Змановские: «У нас все есть. Все. Ничего не нужно».

У них для счастья уже есть семья ☺

АЛЛА КАНЬШИНА
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

Любовь Григорьевна и Виктор Фиоджоевич ТОЧИЛКИНЫ

Жить надо радостно

➤ Таков девиз пенсионера Григория Костина, который к восьмидесяти годам написал уникальную родословную своей семьи

ДВА ГОДА НАЗАД я познакомился с удивительным человеком – Григорием Ивановичем Костиным. Он принес в редакцию две книжицы в мягком переплете. Оторопел от названия: «Корни и отростки древа Костиных за прошедшие 345 лет». Перелистал. Восторженно взглянул на пожилого мужчину, выглядевшего лет на семьдесят.

Секрет неувядания

– Мне семьдесят восемь, – перехватив мой любопытствующий взгляд, бодро начал рассказывать он о себе. – Родился на Алтае. Был одиннадцатым ребенком в большой крестьянской семье. Детство пришлось на военные годы. В десять лет с такими же пацанами-четвероклассниками пошел работать в колхоз, в шестнадцать окончил курсы механизаторов. Служил в рядах Советской Армии. Потом целина, с семидесятого года по девяносто первый трудился на Севере. У меня 57 лет трудового стажа. Когда в 1991 вышел на пенсию, нужно было выбирать новое место жительства. На Севере-то пенсионерствовать не совсем комфортно. Семей решили купить квартиру в Магнитогорске...

– Молодцам выглядите, Григорий Иванович, – похвалил я его. – Секретами неувядания не поделитесь?

– Да какие там секреты. Жить надо радостно. Вот пишу книги, пою в хоре ветеранов «Память сердца», с внуками живу...

Я принялся снова перелистывать «Корни и отростки...»

– Цельный роман!

– Да какой там роман. Просто родословная.

– Я вот, Григорий Иванович, тоже родословную пытаюсь собрать. Но пока она обрывается на правде и прабабушке по материнской линии. А по отцовской... Пусто. Ни дедушку, ни бабушку не видел. Отец в три года остался сиротой, вместе с братьями и двумя сестренками их воспитывала тетка. Бережно храню ее портрет. Чудом сохранилась фотография деда, которого, по словам отца, сгноили энкавзешники. Недавно собрал фотографии предков – родителей своих и жены, других родственников старших поколений, поместил в большую фотоленту и повесил на стене одной из комнат загородной дачи. Внучка увидела: «Дед, а кто это за незнакомые люди тут висят?» – «Настя, это твои предки...» Склоняю голову перед вами, Григорий Иванович, вы огромное благородное дело вершите...

Он смутился от похвалы и стал рассказывать об истории написан-

ной им книги, которая началась на Алтае, где с 1892 года обосновалась одна из ветвей крестьянского рода Костиных.

Летом в 1958 года Григорий и его брат Николай взялись за ремонт родительского дома. Когда перекрывали крышу, под стропилами нашли большой сверток, завернутый в запылявшуюся тряпку.

Ген чести

Взрослые сыновья радовались как дети. Прибежали к матери:

– Мы тут клад нашли.

– Да какой клад? – рассмеялась мать. – Это батя ваш спрятал дедушку писанину. Дед перед смертью завещал, чтобы сохранили. Отец, наверное, уже забыл про это.

Григорий и Николай осторожно развернули просмоленную тряпку. В ней оказался большой блокнот, исписанный не совсем разборчивым почерком. Это бумажное наследство от деда стало потрясающей новостью для внуков. Мать рассказала им, что дедушка Епифан Ефимович умер в 1935-м. В день похорон отец сделал в его дневнике последнюю запись, завернул дневник в просмоленную тряпку и спрятал на чердаке.

Григорий вылезал быть хранителем необычной находки. Не-

сколько раз перечитывал дедовский дневник, где записи велись химическим карандашом, ручкой и сажей. Поначалу и мыслей не было продолжить написание родословной книги. Подвигли к этому жизненные обстоятельства. В середине шестидесятых некоторое время Григорий Костин жил с семьей в Новокузнецке. Весной 1996-го случилось наводнение. Вода затопила десятки частных домов. В доме Костиных вода перевернула все: плавали кухонная утварь, одежда, белье, книги. Потеря было много, но больше всего Григорий переживал за дедовский дневник, который намок и рассыпался. Тогда он и решил восстановить его. Делать это пришлось по памяти.

– Напрягал извилины, чтобы вспомнить как можно подробнее все, что перечитывал не один раз, – рассказывает Григорий Иванович. – Пошел по родственникам, близким и дальним, начались многочасовые расспросы и многолетние поиски. Конечно, тяжелый труд – собирать по крупицам более чем трехвеко-

ую историю рода. Но во мне проснулся ген чести, и генеалогия стала главным делом моей жизни.

Его вдохновляла на писательство мама – Анна Андреевна Костина (Лыкова в девичестве). Она родилась в 1892 году, знала все семейные истории более чем за двести лет.

– Память у нее была отменная, – с теплотой в голосе вспоминает Григорий Иванович и широко улыбается. – Я в нее. У меня память лошадиная...

Выцветший дневник Епифана Ефимовича содержал не только его записи. Первые страницы написаны в XVIII веке, записи посвящены истории мужской линии рода с 1735 года. Неудивительно, исследователь Григорий Костин доберется до истоков родословной его предков.

На земле предков

Род Костиных, как пишет он в своей книге, – старый крестьянский род шорников.

По семейному преданию, их родоначальник – стрелец Костя-хромой. Родился в год воссоединения России с Украиной в 1654 году, в царствование царя Алексея Михайловича Романова. С возвращением Северских земель левобережной Украины в состав Российского государства в 1682 году была восстановлена Белгородская засечная черта. С 1708 года она стала именоваться Белгородской губернией, в которой на реке Ворскле находилось село Дорогощи, где и родился Костя-хромой. Родители его умерли от чумы.

– Все это я узнал, предприняв поездку на землю своих предков, в современное село, название которого не изменилось с момента рождения нашего родоначальника, – делится воспоминаниями Григорий Иванович. – В Дорогощах нашлись дальние родственники. В местной церкви сохранилась книга записи усопших. Сердце заколотилось, когда обнаружил там Костиных. Читая и глазами не верю: «Костин Епифан умер 65 лет». Я сразу определяю, когда он родился. Так восстанавливалась мужская линия рода. Ездил в Москву, удалось поработать с архивами Шереметевых, там нашел про Суриных, у которых Костины были в шорниках.

– Как звать? – Епифан. – Чей сын? – Костин. – Сколько лет? – Осемнадцать, 1689 года рождения.

– Крещен?

– Богу верую, православный.

– Горилку пьешь?

– Нет, не научен еще.

В один из дней, когда я увлеченно читал родословную историю Григория Ивановича Костина, в книжном магазине на глаза попала книга Ларисы Цымбаловой «Тайны происхождения наших фамилий», выпущенная ростовским издательством «Феникс». Купил. Залпом проглотил. Любопытно – познавательная и полезная вещь.

По словам автора, русские фамилии возникли не более чем 250 лет тому назад и явились итогом длительного развития. В дохристианскую эпоху, то есть почти до конца X века, восточные славяне использовали только личные имена, которые давали детям при рождении. Вторым именем могло стать прозвище, данное не только родителями, но и соседями или даже самим себе. В большинстве случаев крестьянские фамилии появились в 1860 годы, после отмены крепостного права, во время которого помещик давал волеуслугой крестьянину и записывал его под своей фамилией или по уличному или семейному прозвищу. Нередко фамилия образовывалась от имени отца и собственного. Выходит, фамилия Костиных идет от имени родоначальника.

Встреча с Шукшиным

Работая над своей родословной, Григорий Иванович штудировал исторические труды Ключевского, Карамзина, Соловьева. У него богатая домашняя библиотека. С наслаждением перечитывает любимых писателей – Пушкина, Достоевского, Горького, Шолохова, Шукшина. С гордостью сообщает: «С Василием Макаровичем Шукшиным познакомился встретиться и пообщаться, когда он снимал на Алтае фильм «Живет такой парень».

Влияние корифеев русской литературы ощущается в родословной книге Григория Костина. Это не канцелярская биографическая хроника, а живописное повествование о людях большого рода, которые любили, рожали детей, пахали, защищали Родину от внешних врагов. Всего лишь несколько строк:

«России нужна была большая и сильная армия. Шла рекрутская кампания по набору солдат. Дошла очередь и до Епифана. На приеме заседала комиссия: – Как звать? – Епифан. – Чей сын? – Костин. – Сколько лет? – Осемнадцать, 1689 года рождения. – Крещен? – Богу верую, православный. – Горилку пьешь? – Нет, не научен еще.

– Служить отечеству желаешь? – Рад стараться защищать землю российскую! Ей богу, хочется, – и перекрестился. – Молодец! Будешь солдатом армии российской.

Так и пошла наша фамилия: Костины, от Костина Епифана Константиновича, рожденного 25 мая 1689 года, призванного служить летом 1708 года».

«Ефимкино яблоко»

Григорий Иванович прямо-таки по-шолоховски описывает тонкости крестьянского труда. Эти страницы пропитаны потом собственного опыта: «Мне ничего не приходилось додумывать. Я знаю это все. Доводилось и сеять, и пахать. Дом строил своими руками, «коня на скаку» останавливал».

Трогательный рассказ из семейного дневника, как Ефим Иванович Костин в родовое село Дорогощи картошку из Германии привез. Картошку там до сих пор величают: «Ефимкино яблоко».

Этот уникальный родословный труд обрел печатный вид благодаря Магнитогорскому государственному университету, его сотрудникам из лаборатории народной культуры, возглавляемой Татьяной Рожковой. Внушительный объем рукописи – более 800 страниц машинописного текста – они разбили на несколько выпусков. В ходе работы бережно сохраняли особенности стиля рассказчика. К печати текст готовили студенты филологического факультета в рамках фольклорной практики.

На днях Григорий Иванович подарил мне свою третью книгу, где описываются события рода Костиных с 1907 по 1992 год.

– Работая над очередным выпуском, – доложил он. – Этот период истории нашей большой семьи легкий и горький. Легкий: весь материал перед глазами. Горький: это время устрат. Из двенадцати братьев и сестер я теперь один. Из пятых собственных детей остались трое...

– Похоронил двоих сыновей, – тяжело вздыхает Григорий Иванович, смахивая набежавшие слезы. – Мы быстро берет себя в руки. – Жить надо. И есть ради кого жить. У меня десять внуков, пятеро правнуков. Вот завтра к сыну в Новокузнецк отправлюсь, у него юбилей – пятьдесят пять. Надо радостно поздравить. Про свой грядущий юбилей он скромно умалчал. А ему в прошлую пятницу исполнилось восемьдесят. С замечательной датой вас, дорогой Григорий Иванович! Крепкого здоровья вам и творческого долголетия. Продолжайте жить радостно ☺

СТАНИСЛАВ РУХМАЛЕВ

➤ Вы, жившие на свете до меня, моя броня и кровная родня. **Арсений ТАРКОВСКИЙ**